

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Пролог. ВИДЕНИЕ	6
I. ПРЕДЖИЗНЬ	13
Глава I. ТКАНЬ ВСЕЛЕННОЙ	13
1. Элементарная материя	14
2. Целостная материя	18
3. Эволюция материи	22
Глава II. ВНУТРЕННЕЕ ВЕЩЕЙ	30
1. Существование	31
2. Качественные законы роста	36
3. Духовная энергия	40
Глава III. МОЛОДАЯ ЗЕМЛЯ	47
1. Внешняя сторона	48
2. Внутренняя сторона	52
II. ЖИЗНЬ	57
Глава I. ПОЯВЛЕНИЕ ЖИЗНИ	57
1. Степень жизни	60
2. Первоначальный облик жизни	74
3. Сезон жизни	82
Глава II. ЭКСПАНСИЯ ЖИЗНИ	91
1. Элементарные движения жизни	92

2. Разветвления живой массы	103
3. Дерево жизни	114
Глава III. ДЕМЕТРА	138
1. Нить Ариадны	139
2. Подъем сознания	145
3. Приближение времени	152
III. МЫСЛЬ	162
Глава I. РОЖДЕНИЕ МЫСЛИ	162
1. Шаг рефлексии	163
2. Первоначальные формы	189
Глава II. РАЗВЕРТЫВАНИЕ НООСФЕРЫ	197
1. Разветвленная фаза предгомнидов	199
2. Пучок неандертальцев	205
3. Комплекс Homo Sapiens	208
4. Неолитическая метаморфоза	213
5. Продолжение неолита и возвышение запада	217
Глава III. СОВРЕМЕННАЯ ЗЕМЛЯ	225
1. Открытие эволюции	228
2. Проблема действия	242
IV. СВЕРХЖИЗНЬ	252
Глава I. КОЛЛЕКТИВНЫЙ ВЫХОД	252
1. Слияние мысли	254
2. Дух Земли	262
Глава II. ЗА ПРЕДЕЛАМИ КОЛЛЕКТИВНОГО. ГИПЕРПЕРСОНАЛЬНОЕ	274
1. Конвергенция личностного и точка омега	278
2. Любовь — энергия	287
3. Атрибуты точки омега	292
Глава III. КОНЕЧНАЯ ЗЕМЛЯ	299
1. Прогнозы, которые следует отклонить	300
2. Подступы	303
3. Срок	314

<i>Содержание</i>	351
Эпилог. ФЕНОМЕН ХРИСТИАНСТВА	321
1. Оси веры	323
2. Ценность существования	326
3. Способность к росту	327
Резюме или ПОСЛЕСЛОВИЕ	332
1. Мир, который свертывается, или Космический закон сложности сознания	333
2. Первое появление человека, или Индивидуальный шаг рефлексии	335
3. Социальный феномен, или Восхождение к коллективному шагу рефлексии	337
ПРИЛОЖЕНИЕ	345

ПРЕДИСЛОВИЕ

Чтобы правильно понять мою книгу, ее следует рассматривать не как метафизический или богословский труд, но единственно и исключительно как научную работу. На это указывает и ее название. Только феномен. Но зато и весь феномен.

Прежде всего, *только* феномен. Не стоит искать на этих страницах *объяснение* мира, это лишь *введение в объяснение* мира. Попытка установить вокруг человека, поставленного в центр, порядок, связывающий последующее с предшествующим; выявить не систему онтологических причинных связей между элементами Вселенной, но эмпирический закон рекуррентности, выражающий их последовательное возникновение в течение времени, — это, и только это попытался я сделать. Разумеется, за пределами первых научных построений остается открытым обширное поле для построений философских и богословских. Я сознательно старался не затрагивать эти глубинные области бытия. Самое большее, я с некоторой степенью достоверности опытным путем распознал движение совокупности (к единству) и отметил во многих местах лакуны, которые по причинам высшего порядка

требуют дальнейшего философского и религиозного осмысления*.

Но и *весь* феномен также. Именно это, не противореча (как могло бы показаться) вышесказанному, грозит придать взглядам, которые я предлагаю, лишь *видимость* некой философии. В течение примерно пятидесяти лет научная критика вполне доказала: чистого факта не существует, и всякий опыт, каким бы объективным он ни казался, неизбежно облекается системой гипотез, как только ученый пытается его сформулировать. Однако, если при ограниченном поле наблюдения налет субъективности в интерпретации может оставаться неощутимым, *в случае рассмотрения обширного целого* он неизбежно становится почти доминирующим. Подобно тому, как сходятся меридианы при приближении к полюсу, наука, философия и религия неизбежно сходятся при приближении к целому. Они сходятся, как я и сказал, но не смешиваются до конца и не перестают рассматривать реальность под разными углами и в разных плоскостях. Возьмите книгу о мире любого из современных ученых — Пуанкаре, Эйнштейна, Джинса. Невозможно предпринять общую научную интерпретацию Вселенной, чтобы не *показалось*, будто вы хотите объяснить ее до конца. Но взгляните внимательнее, и вы увидите, что подобная «сверхфизика» — еще не метафизика.

В ходе любых попыток научного описания целого с максимальной полнотой естественным образом

* См. к примеру, ниже: с. 186, прим. 1; с. 206, прим. 1; с. 332, прим. 1.

проявляется влияние исходных предпосылок, откуда и вытекает вся структура системы. В случае нашего эссе все построения, дополняя друг друга, поддерживают и направляют два (обратите внимание) ключевых параметра. Первый — главенство психики и мысли в ткани Вселенной. Второй — «биологическое» измерение социального вокруг нас.

Первостепенное значение человека в природе и органическая природа человечества — вот две гипотезы, которые можно попытаться отвергнуть в начале; но без которых, на мой взгляд, невозможно дать связное и цельное представление о феномене человека.

Париж, март 1947

Пролог

ВИДЕНИЕ

Моя книга выражает стремление *увидеть*, а также *показать* то, чем становится и чего требует человек, если поместить его целиком и полностью в рамки видимых явлений.

Зачем стараться увидеть? И зачем направлять взор именно на человека?

Видение. Можно было бы сказать, что к этому и сводится жизнь — если не в итоге, то, во всяком случае, по сути. Большая полнота бытия означает и большее объединение — таковы будут резюме и главный вывод данной работы. Но мы также утверждаем, что единение растет лишь на основе роста сознания, то есть видения. Вот почему, несомненно, история живого мира сводится к созданию в недрах космоса, где можно различать все больше, все более совершенных глаз. Разве совершенство животного и превосходство мыслящего существа не измеряются проницательностью и синтетической силой их взгляда? Таким образом, стремление видеть больше и лучше — это не прихоть, не любопытство и не роскошь. Видеть — или погибнуть. Именно в такое положение поставлен любой элемент Вселенной таинственным

даром существования. Таково, следовательно, но на более высоком уровне, и положение человека.

Но если и в самом деле столь жизненно важно и благотворно знание, зачем вновь направлять все внимание на человека? Разве человек не описан достаточно — и не скучен? И не тем ли как раз притягательна наука, что она отвращает наш взор от самих себя и направляет на то, что не есть мы сами?

По двум причинам, которые дважды делают человека центром мира, он предстает перед нашим взором как ключ ко Вселенной.

Прежде всего, субъективно, мы неизбежно — *центр перспективы* для самих себя. При зарождении наука с простодушием, вероятно неминуемым, воображала, что может наблюдать явления в себе такими, какими они разворачиваются вне нас. Физики и натуралисты поначалу инстинктивно действовали так, будто их взор с высоты погружался в мир, а сознание проникало в него, не испытывая его влияния и не изменяя. Теперь они начинают сознавать, что и самые объективные наблюдения всецело пропитаны исходными условиями, а также формами или навыками мышления, выработанными в ходе исторического развития научного поиска. Достигнув крайней точки анализа, они уже и сами не понимают, является ли полученная структура сущностью изучаемой ими материи или же отражением их собственной мысли. И одновременно удостоверяются, в качестве обратного результата их открытий, что сами оказались вовлечены душой и телом в систему отношений, которую, как представлялось, они наложили на вещи извне: попались в собственную сеть. *Метаморфизм*

и эндоморфизм, сказал бы геолог. Объект и субъект сплетаются и взаимно преобразуются в акте познания. И теперь человек волей-неволей обнаруживает себя во всем, на что смотрит.

Кабала, которую компенсирует единственное в своем роде величие.

Куда бы ни шел наблюдатель, он всюду переносит с собой и центр местности, которую пересекает, — это банальное и даже неизбежное явление. Но что произойдет, если прогулка случайно приведет его в природный выгодный пункт (перекресток дорог или долин), из которого не только взгляд, но и сами вещи будут разбегаться в разные стороны? Когда субъективная точка зрения совпадет с объективным расположением вещей, восприятие обретет полноту. Пейзаж расшифруется и озарится. Человек увидит.

По-видимому, в этом и есть преимущество человеческого познания.

Нет нужды быть человеком, чтобы видеть себя в «окружении» объектов и сил. Все животные воспринимают это так же, как мы. Но лишь человек занимает такое положение в природе, что видит не только схождение линий, но и их структуру. Последующие страницы исследуют и подтвердят этот феномен. Качество и биологические свойства мышления помещают нас в особую точку, в узел, откуда в нашем распоряжении оказывается целый участок космоса, открытый нашему опыту. Будучи центром перспективы, человек в то же время представляет и центр построения Вселенной. Как по преимуществу, так и по необходимости, именно к нему и надлежит свести в итоге всякую науку. Если, поистине, видеть — зна-

чит жить полнее, будем смотреть на человека и будем жить полнее.

И для этого особым образом адаптируем наши глаза.

С тех пор как человек существует, он предоставлен созерцанию самого себя. На деле он уже десятки веков смотрит лишь на себя и, однако, едва начинает постигать собственное значение в физике мира. Не стоит удивляться медлительности его пробуждения. Зачастую труднее всего заметить именно то, что должно «бросаться в глаза». Ребенку еще предстоит научиться различать образы, осаждающие его новорожденную сетчатку. Человеку, чтобы открыть себя до конца, был необходим целый ряд «чувств», постепенное обретение которых (мы еще будем об этом говорить) заполняет и размечает саму историю борений духа.

Чувство пространственной необъятности в большом и малом, расчленяющее и распределяющее круги обступающих нас предметов внутри безграничной сферы.

Чувство глубины, старательно отодвигающее в бесконечность, на безмерные временные расстояния, события, которые некая сила, подобная тяжести, постоянно стремится спрессовать для нас в тоненький слой прошлого.

Чувство количества, которое открывает и бестрепетно оценивает ошеломительное множество материальных или живых элементов, вовлеченных в малейшее преобразование Вселенной.

Чувство пропорции, более или менее улавливающее разницу в физическом масштабе, отличающее по размеру и ритму атом от туманности, малейшее от величайшего.

Чувство качества или новизны, которому удается, не разрушая физического единства мира, различать в природе абсолютные ступени совершенства и роста.

Чувство движения, способное различить скрытое в крайней медлительности неодолимое развитие, величайшее возбуждение под пологом покоя, новое, зародившееся в сердцевине монотонного повторения одного и того же.

Наконец, чувство органичности, способное обнаружить под поверхностным потоком событий и сообществ физические связи и структурное единство.

Без всех этих качеств нашего взгляда человек будет бесконечно оставаться для нас, как бы нам ни старались его показать, тем, чем он для многих и остается: случайным объектом в разобленном мире. И напротив, стоит только избавиться от тройной иллюзии малости, множественности и неподвижности, и человек без труда займет центральное место, которое мы возвещали: временную вершину антропогенеза, который сам венчает космогенез.

Человек может полностью видеть себя только в человечестве, человечество — в жизни, жизнь — во Вселенной.

Отсюда и главные разделы данного труда: Преджизнь, Жизнь, Мысль — эти три события очерчивают в прошлом и направляют в будущем (сверхжизнь!) одну и ту же траекторию: кривую феномена человека.

Итак, *Феномен Человека*.

Слово взято не случайно. Я выбрал его по трем причинам.

Во-первых, я утверждаю, что человек в природе является фактом, к которому приложимы (по крайней мере, частично) требования и методы науки.

Во-вторых, я даю понять, что ни один из остальных фактов, предлагаемых нашему познанию, не является столь же необычайным и просвещающим.

И наконец, я настаиваю на специфическом характере данного труда.

Повторяю, моя единственная цель и моя действительная сила — стремление увидеть, то есть развить на этих страницах однородную и связную, протяженную к человеку, перспективу нашего всеобщего опыта. Показать развертывание целого.

Так что не следует искать здесь конечного объяснения природы вещей — метафизики. Не следует и обманываться насчет степени достоверности различных частей фильма, который я предлагаю. Когда я пытаюсь представить себе мир до возникновения жизни или жизнь в палеозое, я не забываю, что было бы космическим противоречием воображать человека наблюдателем за фазами, предшествующими появлению всякой мысли на земле. Поэтому я постараюсь описать их не такими, какими они были в действительности, а такими, какими мы должны их себе представлять, дабы сию минуту мир был для нас настоящим: прошлое не в себе, но такое, каким оно предстает наблюдателю с вершины, на которую его поместила эволюция. Метод надежный и скромный, но, как увидим, достаточный, чтобы впереди по симметрии возникли удивительные видения будущего.

Разумеется, даже будучи сведенными к таким скромным масштабам, взгляды, которые я здесь излагаю, носят ориентировочный и личный характер. Однако они опираются на значительные исследования и длительные размышления и дают пример того,

каким образом ставится ныне в науке проблема человека.

Человек, узко изучаемый сам по себе антропологами и юристами, представляет собой нечто незначительное и мелкое. Слишком заметная индивидуальность человека скрывает от наших глаз его целостность, наш разум склонен при его рассмотрении дробить природу и забывать ее глубокие связи и безмерные горизонты: впадать в дурной антропоцентризм. Отсюда все еще заметное нежелание ученых считать предметом науки что-либо, кроме тела человека.

Настало время осознать, что даже позитивистская интерпретация Вселенной, чтобы быть удовлетворительной, должна затрагивать не только внешнюю, но и внутреннюю сторону вещей, не только материю, но и дух. Настоящая физика — та, которой однажды удастся включить целостного человека в связанное представление о мире.

Я стремился показать, что такая попытка возможна и что для того, кто хочет и умеет идти вглубь вещей, от нее зависит сохранение мужества и радости действия.

По правде говоря, я сомневаюсь, что для мыслящего существа может быть минута более великая, нежели та, когда пелена спадает с его глаз и оно обнаруживает, что является не затерянной в космическом одиночестве частицей, а центром конвергенции и гоминизации вселенской воли к жизни.

Человек — не статичный центр мира, как долго считалось, а ось и вершина эволюции, что намного прекраснее.

I ПРЕДЖИЗНЬ

Глава I ТКАНЬ ВСЕЛЕННОЙ

Отодвинуть предмет в прошлое значит свести его к простейшим элементам. Мельчайшие волокна человеческого состава, если проследить за ними как можно дальше к истокам, смешаются с самой тканью Вселенной.

Ткань Вселенной — последний плод все более совершенных исследований науки... Я не развивался вместе с ней, чтобы суметь достойно ее описать, мне не хватает прямого и близкого контакта, который составляет все различие между человеком, который прочитал, и человеком, который пережил. Мне также известно, сколь опасно брать гипотезы, которые, по мысли самих же авторов, являются однодневками, в качестве материалов конструкции, которую хотелось бы видеть долговечной.

Ныне принятые представления ученых об атоме — в значительной степени лишь простое графическое и временное средство, позволяющее группировать и проверять непротиворечивость все более многочисленных «эффектов» материи, многие из которых к тому же не имеют еще никакого известного продолжения в человеке.

Будучи более натуралистом, нежели физиком, я не буду распространяться об этих сложных и хрупких построениях и необоснованно на них опираться.

Однако из всего многообразия громоздящихся друг на друга теорий выделяются некоторые обязательные черты, присущие всем предлагаемым объяснениям Вселенной. Именно опираясь на это «обязательное» в той мере, в какой оно выражает условия всякой природной трансформации, даже трансформации живого, и пристало говорить натуралисту при изучении феномена человека.

1. Элементарная материя

Ткань осязаемых вещей, наблюдаемая под таким углом и взятая в элементарном состоянии (то есть в некоторый момент, в некоторой точке и в некотором объеме), с возрастающим упорством открывается нам как состоящая из частиц, в значительной степени связанная и, наконец, колоссально активная.

Множественность, единство, энергия — три грани материи.

А) Во-первых, *множественность*.

Глубинная атомарность Вселенной наглядно проявляется в обыденном опыте. Она выражается в каплях дождя и в песчинках пляжа. Она продолжается во множестве живых существ и небесных тел. Она читается в прахе умерших. Человек догадался, что его окружает и поддерживает прах, обойдясь без микроскопа и электронного анализа. Но чтобы подсчитать и описать зернышки праха, понадобилась терпеливая